
ФИЛОСОФИЯ КОСМИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ МИХАИЛА ОСОРГИНА

М.А. Герасимова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1, Москва, Россия, 119991

В статье рассматривается творчество М.А. Осоргина с точки зрения его особой философии космизма. Доказывается, что писатель придерживался не натурфилософской идеи, которая часто ему приписывается, но имел свой собственный подход, заключающийся в видении всеобщности вселенной, равнозначности малого и великого.

Ключевые слова: Осоргин, натурфилософия, космизм, истина.

Первая половина XX в. осталась в истории как эпоха общественных потрясений, войн и великих революций. Ключевым понятием времени стало понятие кризисности. Кризис жизни, мысли и искусства. Художники и мыслители по-разному пытались найти выход из этой ситуации. Среди прочих распространение получила натурфилософская концепция. Как известно, она присутствует у многих писателей и поэтов XX в.: у М. Пришвина, Б. Пастернака, И. Шмелева, Н. Заболоцкого, Н.М. Рубцова, В. Астафьева и др. Такой подход можно считать одним из способов преодоления кризиса того времени, который выразился в том числе в словах Ф. Ницше «Бог умер». Бог не умер, он растворился в природе, он есть в каждом муравье и травинке — вот ответ вышеназванных художников. Многие исследователи причисляют к этому ряду и М. Осоргина.

Бесспорным является тот факт, что природа занимает особое место в творчестве данного писателя. Эта тема присутствует как в его ранних произведениях (например, в повести «Из маленького домика»), так и в поздних («Письма о незначительном», «Времена»).

В начале автобиографического повествования «Времена» родную для Осоргина реку Каму и пригородный лес он называет своими «настоящими родителями» [1. С. 14]. Потом ту же реку именуется «живым существом не нашего, чудесного измерения», «божеством» [1. С. 29], «моим счастьем и моей философией» [1. С. 64]. Именно природа, по словам Осоргина, научила его тому языку, который находит воплощение в его произведениях и которым мы, читатели, не можем не восхищаться.

Пантеизм является учением об обожествлении природы, о том, что все есть Бог. Однако, как убедительно доказала исследовательница И.Б. Боравская, причислять писателя к последователям философии пантеизма является ошибкой: «М. Осоргин никогда не совмещал уровней Бога и природы, напротив, видел в ней Богом данную гармонию. С этой позиции почитал природу как одну из самых значимых составляющих земного царства» [2. С. 9].

У Осоргина была своя собственная концепция, отличная от всех других, согласно которой все в мире важно и значительно, микрокосм подобен макрокосму и все в мире связано между собой. В этом суть космизма Осоргина. Каждое суще-

ство является настоящей ценностью. И, конечно, наиболее ярко это проявляется именно при описании природы и в сопоставлении и соположении природного и социального.

Показательным в этом смысле является роман «Сивцев Варажек», самое известное творение Осоргина. Это отмечал еще Б. Зайцев, сравнивая роман с «Симфониями» А. Белого: «Вселенная, вечность, жизнь стихийных и низших существ, постоянно противопоставляемая человеку, — все возводит к „Симфониям“» [3. С. 532].

Осоргин описывает жизнь котов, цветов, муравьев и других природных организмов наравне с жизнью людей и в противопоставление к ней. Он показывает, что на природе война, происходящая в мире людей, не отразилась никак.

«...природа не изменилась. В тот день, когда началась европейская война, ни одна травинка в поле, ни один белый цветик, росший зачем — неведомо, не взволновался величием минуты, ни один горный ручей не ускорил светлого бега, ни одно облачко не пролило лишней слезы.

Аисты, не найдя старых гнезд в разрушенных домах, несут детей в соседние села. Яблоко, зарумянив одну щечку, подставляет солнцу другую. Слеп крот, юрка мышь, ёж колюч. Неведомо нам, почему пчела точно знает ближний путь по воздуху и жук гудит басовой струной.

„Что со мной?“ — говорит, набухая, горошина. „Ух, как трудно!“ — поднимает глыбу земли горбатый сочный росток. „Шутка сказать — мы!“ — заявляет белый гриб, дождем умываясь. „И мы!“ — ему вторит бледная поганка. А купол неба раз навсегда истыкан золотой булавкой» [1. С. 377].

Не все современники смогли понять и оценить такое соположение. Тот же Зайцев называет тягостным ощущение, что Осоргин «хочет равнять человека не по высшему (по „четвертому измерению“), а по низшему (по „второму“), упорно навязывая мне родство с муравьями (которых я, впрочем, очень уважаю), мышами, в лучшем случае — ласточками, и забывая, что у нас с автором есть и не только подвальные родственники» [3. С. 532]. Представляется все же, что Осоргин хотел вызвать у читателя своим обращением к природным существам совсем другие чувства. На наш взгляд, здесь роль животных, птиц и растений является особой. Природа выступает в качестве той незыблемой опоры и абсолютной истины, которая становится так нужна в дни описываемых в романе революционных потрясений.

Люди меняются, меняется их отношение к жизни, меняется сама человеческая жизнь. История вносит в нее свои коррективы, порой негативные и разрушительные. Но неизменной остается жизнь природы. Зверям, грибам и растениям абсолютно безразлично то, что происходит в человеческом мире: война ли, революция. Их жизнь течет по-прежнему, независимо от людей, и она не менее ярка и интересна. И в ней тоже порой случаются свои войны.

Очень ярко и живо показан бой между муравьями двух разных пород, бой, который заканчивается гибелью обеих войск под колесами, копытами и ногами человеческой армии, спешащей на свою убийственную битву — на фронт мировой войны.

«Шел бой до самого заката, и уже окружен был муравейник все прибывавшими армиями бледно-желтого полевого врага. Но случилось то, чего не могли предвидеть лучшие из муравьиных стратегов.

Задрожала земля, надвинулись гудящие тени, и внезапно муравейник был снесен неведомо откуда пришедшим ударом. На дорожках все спуталось, и враг с врагом в неостывшей схватке были раздавлены невидимой и неведомой силой» [1. С. 354].

Этой «силой» были люди, спешащие на свою войну. Осоргин сравнивает битву муравьев с человеческой войной и показывает, что, несмотря на то, что у них и разные масштабы, первая имеет отнюдь не меньшее значение, чем вторая. Люди и насекомые оказываются равны перед лицом чего-то высшего, перед самой природой.

Основными действующими лицами в романе являются члены профессорской семьи и их окружение, но подлинно главными героями, которые вершат судьбы людей, здесь скорее являются История и Время. Именно они служат движущей силой сюжета данного произведения.

Судьба одной семьи вписывается у Осоргина в судьбу страны, народа, обретая предельную масштабность. «В беспредельности Вселенной, в Солнечной системе, на Земле, в России, в Москве, в угловом доме Сивцева Вражка, в своем кабинете сидел в кресле ученый-орнитолог Иван Александрович», — так начинается роман. И много раз в течение повествования Осоргин применяет этот кинематографический прием [1. С. 341]. Словно камера отъезжает, а затем приближается к объекту изображения.

Писатель постоянно напоминает о том, как огромен этот мир. Он не просто фокусируется на одной семье или даже вообще на людях, он все время обращается к другим предметам, животным, растениям, ко всей Вселенной. «Кукушка прокуковала шесть раз. Профессор заскрипел кроватью. Солнце задело занавеску окна. Вместе с ним к окну подлетела ласточка» [1. С. 344]. Четыре фразы, по сути своей имеющие мало общего, следуют одна за другой и оказываются связанными между собой. Видимо, именно в подобных описаниях Зайцев и увидел сходство «Сивцева Вражка» с «Симфониями». К сожалению, теме сравнения этих двух произведений не посвящено ни одной исследовательской работы, хотя, на наш взгляд, данный вопрос заслуживает внимания. В романе Осоргина, как и в творении Белого, можно найти определенную музыкальность текста. А композитор Эдуард Львович играет особую роль среди героев романа, как и сочиненный им *Opus 37*. Это отмечает и такой чуткий критик, как Г. Адамович: «Структура романа подчинена принципу музыкальной полифонии, многоголосия, переплетения разных тем и голосов персонажей. Знаменательно, что почти в самом конце произведения рассказывается о музыкальном творении композитора Эдуарда Львовича, в котором контрапунктом скрещены противоположные темы — жизни и смерти» [4].

Сопряжение разных пространственных планов имеет в «Сивцевом Вражке» глубокий смысл. В начале работы над романом Осоргин писал: «Перетасовка классов, состояний, обмен золота на бумажки, сумерки богов и заря новых идолов, великая катастрофа... Кто-то наступил ногой на муравейник, а лес стоит, лес шумит, и ни один листок не шелохнулся от всеединого вопля муравьиного» [5. С. 214]. По мысли писателя, в мире все события одинаково важны, и ни одно из них нельзя выделить особо.

В мировоззрении писателя с некоей космической точки зрения, в пространстве и в бытии всей Вселенной, и мировая война, и гибель муравьев или ласточки, обитавшей под крышей дома на Сивцевом Вражке — события одномасштабные.

«Все эти наши события, — революция, казни, борьба, надежды, и весь наш быт, и все наше бытие, — ведь это только ... чиркнула крылышком по воздуху ласточка, и на минуту остался зрительный след. Но не более, не более, не более. Ну, а что же есть, что реально? Только — пустота» [1. С. 597].

Частная, семейная жизнь, «домашность» для писателя несоизмеримо более существенны, чем катастрофа мировой войны: «На одной и той же улице умер человек, не отложив дня смерти до развязки событий, и родился младенец, не испугавшись будущего. И в семьях их эти случаи были событием большим, чем великая война» [1. С. 377].

Суть осоргинской философии в том, что нет ничего и никого не важного. Все имеет свой вес, свое значение, оказывает свое влияние на развитие жизни, истории. Все сцеплено между собой. И то, что для одних представляется мелким и ничтожным, для других становится громадным. Этот релятивизм не раз находит свое отражение в строках книг и статей писателя.

«В пространстве Вселенной носится и кружится Земля. Велика она или ничтожна?

В системе звезд и планет она — незаметная пылинка; для нас она огромна», — пишет Осоргин в своей статье «Великое и малое» [6. С. 69].

Природа для Осоргина порой становится даже большим, чем жизнь людей. Сходные мысли мы можем обнаружить не только в художественных произведениях Осоргина, но и в его письмах. Вот, например, выдержка из его письма, адресованного А.В. Бахраху: «...за последние сто годов ничего не случилось замечательного, если не считать некоторых событий человеческой жизни; но людей не так много, и они первой роли не играют. И вряд ли стоит говорить о таких путаниках. Я, к сожалению, вынужден читать газеты, в которых вынужден писать о „текущих событиях“, а не о том, что больше меня интересует, например, о прорастающих цветочных луковицах» [7. С. 425].

Пройдя сложный жизненный путь, несколько раз отсидев в тюрьме, в том числе за участие в деле оказания помощи голодающим, Осоргин никогда не изменял своим нравственным принципам, всегда оставался верен своим идеалам. И важнейшей опорой при этом ему служила природа. Именно в ней он находит источник своего вдохновения и жизни вообще. К этой теме, теме природы, Осоргин обращается едва ли не во всех своих произведениях, и в повести «Вольный каменщик», и в циклах рассказов «Вещи человека» и «Чудо на озере».

Исследовавшая последние И.Б. Боровская отмечает, что «М. Осоргин смело разрушил грань раздела между природой, в ее эволюции, и социальным миром. Обе сферы бытия представлены составными частями стройного миропорядка, космоса. В единстве с природой автор видел непреложный закон развития жизни, в познании этого закона — источник духовного обновления человечества.

Для создателя романа все начинается в природе, завершается в ней, но продолжается в вечности. По восходящей линии осуществляется великий круговорот. Непрерывны и упорядочены смены дня и ночи, отлеты и прилеты ласточек,

вестниц разных времен года, — все определяется солнцем, его плодородным лучом» [2. С. 18].

Подтверждение тому — в самих текстах писателя: «Что бы ни случилось в мире — все не в счет и ни к чему, если на поправку наших ошибок не придет в своей доброте и благосклонности весеннее солнце, не зачинит наши заплаты и не простит нас если не с любовью, то с высоким своим равнодушием» [8. С. 82].

Особенно показательна также последняя прижизненная книга писателя «Проществия зеленого мира». Составившие ее рассказы разделены на две части: «Огородные записи» и «Письма Обитателя». Интересны уже сами заголовки представленных очерков: «О зеленой лужайке, луке и огородном пугале», «О маленьких домиках и огромном мире», «О березках, парламенте и соловьях», «О любви к ближнему, бытию и разных травах». Здесь снова находит выражение особенность мировоззрения писателя, его космизм и вера во всеобщность и взаимосвязанность всего сущего. Мысли о конкретном («о березках» и «домиках») сменяются мыслями о высоком в человеческой жизни («о любви к ближнему, бытию» и «огромном мире»).

Книгу предваряет «Представление», вводная главка, где Осоргин объясняет:

«Издаю книгу для себя и для сочувствующих чудаков, зараженных тягой к земле и страстной жаждой создать свой мир — без злобы, моторов, политики и удушливых газов.

Мы — только часть природы. Нельзя ощутить и познать жизнь, не научившись слушать, как растет трава, и не пожав дружески (со всей осторожностью) лапку божьей коровке. Чистая правда только в куполе старой цветущей липы, где гудят пчелы...

Мы не видим, что мечемся в сплошном кольце чудесного, неразгаданного, насыщенного прекрасной тайной — над нами, под нами, рядом с нами, вблизи и в бесконечных даях, и что жизнь „даря природы“ есть только малый и случайный феномен жизни мировой.

...дело в том, чтобы ощутить себя не господствующей, а лишь рядовой единицей многомиллиардной семьи живых существ... чтобы принять и полюбить сестру-травинку и брата-паразита... чтобы не быть только бичами или жертвами, а настроить свой голос в лад мировой гармонии, потому что ведь в этом можно найти оправдание, если не подлинное великое счастье» [9. С. 5—6].

К концу своей жизни Осоргин все более утверждает в этом. Он писал в своих воспоминаниях, что ему не раз приходилось начинать жизнь с чистого листа, когда его вынуждали покидать родные места, а он даже не мог взять с собой свои вещи. Безусловно, каждый раз это ложилось тяжким грузом в душу писателя и накладывало свой отпечаток на его сознание. Но замечательно то, что он смог найти для себя незыблемую опору и высшую истину в этой жизни. Ею и стала природа. Природа как олицетворение всего того многообразия, великого и малого, что есть на нашей земле и вообще во вселенной.

В «Письмах о незначительном», опубликованных лишь через 10 лет после смерти писателя, мы находим более детальное выражение мировоззренческого подхода Осоргина:

«Мне всегда казалось, что судьбы мира решаются не спорами гигантов мысли и действия, а трудовыми усилиями средних и малых единиц. Исторические моменты

эффектны, слова нет... Но жизнь строится из повседневных кусочков, которые лепятся друг к другу и один на другой, без лишнего шума и ненужной суеты. Без малого не на чем вырасти великому, без манной крупы, всыпанной в кипящее молоко, не на чем вскочить и лопнуть воздушным пузырям.

Можно привести в доказательство много образов и сравнений. От копейки свечки сгорела Москва. Рим спасли бестолковые гуси... И от малого до великого всегда — рукой подать.

Это значит — не нужно чураться пустяков. В капле воды — целый мир» [8. С. 1—2].

В этом вся суть осоргинской концепции.

«Вы смотрите в небо, и если его чистоту прорежет бомбовоз, то он покажется вам такой же величины, как комар, собирающийся жигануть вас в лоб; за ворот заполз заблудившийся муравей, не питающий, впрочем, никаких враждебных чувств, — как и вы к нему относитесь с сочувственным интересом, даже готовы помочь ему благополучно выбраться. Пчела забирается в чашечку цветка, паук проявляет свое изумительное ткацкое искусство, кузнечик изображает скрипичного вундеркинда, гудит тяжеловесный жук...

Но это не обязательно — ограничивать круг своих мирных наблюдений цветочками и букашками. Все значительно или все ничтожно, в зависимости от вашего к нему подхода. Обычные масштабы теряют значение. Слон равен мошке, родина — песчинке земли, макрокосм — микрокосму» [8. С. 201—202].

И потому, повторим, не следует считать Осоргина приверженцем натурфилософской концепции. Его мировоззрение охватывает гораздо более широкий масштаб, включает в себя весь мир, все бытие, в котором одинаково важны и великие, и малые его части. Философию космизма М. Осоргина можно считать еще одним вариантом выхода из кризиса XX в.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Осоргин М.А.* Времена: Автобиографическое повествование. Романы. — М., 1989.
- [2] *Боравская И.Б.* Воплощение натурфилософской концепции в художественной прозе М. Осоргина 1920-х годов: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — М., 2007.
- [3] *Зайцев Б.К.* Михаил Осоргин «Сивцев Вражек» // Современные записки. — 1928. — № 36.
- [4] *Адамович Г.* Литературные беседы. «Сивцев Вражек» М.А. Осоргина. — URL: http://az.lib.ru/o/osorgin_m_a/text_0030.shtml
- [5] *Осоргин М.* Тем же морем // Современные записки. — 1922. — № 13.
- [6] *Осоргин М.* Великое и малое // Современные записки. — 1933. — № 6.
- [7] *Осоргин М.А.* Письма к друзьям в годы оккупации // Костиков В.В. Не будем проклинать изгнание... (Пути и судьбы русской эмиграции) — М., 1990.
- [8] *Осоргин М.А.* Письма о незначительном. — Нью-Йорк, 1952.
- [9] *Осоргин М.А.* Происшествия зеленого мира. — София, 1938.

LITERATURA

- [1] *Osorgin M.A.* Vremena: Avtobiograficheskoe povestvovanie. Romany / Sost. N.M. Pirumova; Avt. vstup. stat'i A.L. Afanas'ev. — М., 1989.
- [2] *Boravskaya I.B.* Voploschenie naturfilosofskoy kontseptsii v khudozhestvennoy proze M. Osorgina 1920-kh godov: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. — М., 2007.

- [3] *Zaytsev B.K.* Mikhail Osorgin «Sivtsev Vrazhek» // *Sovremennye zapiski*. — 1928. — № 36.
- [4] *Adamovich G.* Literaturnye besedy. «Sivtsev Vrazhek» M.A. Osorgina. — URL: http://az.lib.ru/o/osorgin_m_a/text_0030.shtml
- [5] *Osorgin M.* Tem zhe morem // *Sovremennye zapiski*. — 1922. — № 13.
- [6] *Osorgin M.* Velikoe i maloe // *Sovremennye zapiski*. — 1933. — № 6.
- [7] *Osorgin M.A.* Pis'ma k druž'yam v gody okkupatsii // *Kostikov V.V.* Ne budem proklinat' izgnan'e... (Puti i sud'by russkoy emigratsii) — M., 1990.
- [8] *Osorgin M.A.* Pis'ma o neznachitel'nom. — N'yu-York, 1952.
- [9] *Osorgin M.A.* Proisshestviya zelenogo mira. — Sofiya, 1938.

OSORGIN'S LITTLE AND GREAT

M.A. Gerasimova

Russian literature of XX—XXI centuries department
Lomonosov's Moscow State University

The article is devoted to the works of M.A. Osorgin from the position of his own specific cosmism philosophy. We prove that the writer didn't follow the idea of natural philosophy, which is often attributed to him. He had his own approach, which consists in the vision of the world universality, the equivalence of small and great.

Key words: Osorgin, natural philosophy, cosmism, verity.